

Е. Л. Кубель

**ДИНАМИКА ЭКСПОЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО
РУССКОГО МУЗЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВОК
СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ)**

АННОТАЦИЯ. Новое открытие ЭО Русского музея состоялось в 1923 г. Была восстановлена в общих чертах первая экспозиция 1916 г., построенная в соответствии с принципами, предложенными видными этнографами того времени, на основании которых была разработана «Программа ЭО Русского музея». В 1919 г. Советом ЭО утверждается «Формула программы ЭО», повторяющая в основном более раннюю программу. В середине 1920-х годов в СССР вырабатываются новые принципы национальной политики. Руководство ЭО хорошо понимало необходимость изменений в экспозиционной деятельности, насыщения ее новыми смыслами, но средства достижения этой цели были еще не очень ясны. Особую сложность вызвала тема «отражения современности». В поисках способов демонстрации этой темы Этнографический музей столкнулся с задачей, которую трудно было решить привычным музейным языком. Представление об этнографической современности, выработанное русскими этнографами, вошло в противоречие с ее пониманием новой властью, которая управляла учреждениями культуры. Кроме того, по многим параметрам (социальным, образовательным) изменился посетитель музея, у которого было свое видение современности и того, как ее должен показывать музей. Посетители ожидали увидеть прекрасную картину новой светлой жизни, которую им обещали. Музею нужно было время, чтобы перестроиться, найти новые средства выражения, новый язык, которым можно было разговаривать с посетителем. Новый этап музейного строительства начался в ЭО/ГМЭ в 1932–1935 гг. с появлением многофигурных «обстановочных сцен» с живописными задниками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЭО Русского музея, среднеазиатское отделение ЭО Русского музея, экспозиция ЭО 1923 г., «Формула программы ЭО» 1919 г., А. А. Миллер, А. Н. Самойлович, история, экспозиции

УДК 069.5:39

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-59-66

КУБЕЛЬ ЕЛЕНА ЛЕОНИДОВНА — научный сотрудник отдела этнографии народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: elenakubel@yandex.ru

Создание экспозиции ЭО Русского музея¹ началось в 1914 г. и в основном было закончено в 1916 г. В сентябре 1917 г. в связи с постановлением Совета министров Временного правительства об эвакуации из Петрограда коллекций Русского музея она была разобрана. Большая часть собрания ЭО была вывезена в Москву и размещена в залах Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты. Совет ЭО² тревожила сохранность экспонатов, которые находились в закрытых ящиках. Вопрос об их реэвакуации поднимался неоднократно начиная с 1919 г. В 1920 г. Совет народных комиссаров выдал разрешение на вывоз из Москвы этнографических коллекций. Возвращение собрания произошло в ноябре 1920 г., и восстановление экспозиции стало первоочередной задачей коллектива отдела.

За год до этого события, в июле 1919 г., Советом ЭО была утверждена так называемая «Формула программы ЭО», в которой говорилось: «1. ЭО есть музей народного быта и искусства народностей и племен России. 2. Деятельность ЭО распространяется также на все славянские народности. 3. ЭО может собирать и хранить, в целях более полного изучения основных собраний, предметы народного быта и искусства народностей, не входящих в его программу — в пределах сравнительного материала» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Л. 15). Надо отметить, что по поводу формулировки «народный быт и искусство» мнения членов совета разошлись. Так, Д. А. Золотарев считал, что термин «“народный быт” исчерпывает программу полностью, так как искусство может входить лишь в пределах, определяемых термином “быт”» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Л. 15 об.). А. А. Миллер не соглашался с ним, отмечая «...особенно важное значение народного искусства в этнографии и ...необходимость совершенно определенно на это указать в программе как направление деятельности Отдела. С самого основания ЭО работал в таком направлении. ...предметы народного искусства собирались и изучались не только в пределах их бытового значения, но как предметы искусства. Благодаря этому направлению деятельности в ЭО собраны были многие виды народного искусства в подробных сериальных подборках, имеющих положительно исключительно научный интерес. Это направление желательно укрепить затем как метод собирания и изучения и соответствующим образом подчеркнуть в самой программе» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Л. 15 об.).

В общих чертах эти принципы повторяли «Программу Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III», принятую при основании отдела.

Объектом изучения, единицей показа по-прежнему оставался тот или иной народ. Это положение в свое время было предметом самой горячей дискуссии ученых-этнографов, стоящих у истоков ЭО (об этом см.: Шангина 1993; 1998). Понятия «народ», «этнос» принимались в формулировке Н. М. Могиланского, выраженной им в докладе «Предмет и задачи этнографии», прочитанном на заседании Отделения этнографии ИРГО 4 марта 1916 г. «Понятие этнос — сложное понятие: это собрание индивидуумов, объединенных в одно целое как общими чертами физических (антропологических) признаков, так и общностью исторических судеб, общностью языка, этой основы, из которой, в свою очередь, вырастает общность всего мировоззрения, народной психологии, словом, всей духовной культуры. Сохраняя этнос как базу для научной этнографии, мы вводим в круг ее ведения народы промышленные, культурные, которые многими этнографами прямо исключаются из объектов этнографического исследования» (Могиланский 1916: 11).

¹ В документах того времени современному понятию «музейная экспозиция» соответствуют термины «выставка», «постоянная выставка», «показательная часть».

² В Совет ЭО в то время входили С. Ф. Ольденбург, Д. А. Золотарев, А. А. Миллер, А. Е. Пресняков, О. О. Розенберг, К. К. Романов, П. Н. Шеффер.

Совет ЭО при обсуждении принял решение по возможности восстановить старую экспозицию. Музейная мебель была очень хорошего качества. Шкафы и витрины заказывали специально для ЭО в 1909 г. в Дрездене в фирме «Август Кюншеф и сыновья». Сохранились и антропологические манекены, выполненные в манекенной мастерской музея.

Заведующий отделением А. А. Миллер докладывал о ходе работ: «Восстановлены и устроены следующие шкапы и щиты. Щиты: ковровые изделия туркмен, ковровые изделия киргизов. Манекены: туркмен, бухарцев. Сартовский кукольный театр. Щит керамика из Туркестана» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Л. 25 об.).

Благодаря самоотверженной работе сотрудников в условиях холодной зимы при отсутствии дров, перебоях с электричеством и острой недостаточности рабочих рук открытие ЭО состоялось в запланированные сроки.

В Мраморном зале музея 3 июня 1923 г. прошло торжественное заседание, на которое были приглашены известные петроградские и московские ученые и общественные деятели. Заведующий отделом музеев Народного комиссариата просвещения Г. С. Ятманов начал заседание словами: «Сегодня открывается памятник трудовому народу Великой страны» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Л. 1). В президиуме присутствовали виднейшие сотрудники ЭО: Д. А. Золотарев, Б. Г. Крыжановский, А. А. Макаренко, А. А. Миллер.

Коллекции в залах музея располагались по географическому принципу в соответствии с принятым в первое десятилетие XX в. разделением территории страны на крупные области, с показом отдельных народов, населяющих их. Структурно ЭО в 1923 г. состоял из четырех отделений. I-е отделение — этнография великорусского народа и финских племен. II-е отделение — этнография малорусского и белорусского народов и славян. III-е отделение — этнография народов Кавказа, Средней Азии и Турецких племен. IV-е отделение — этнография народов Сибири и Дальнего Востока» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Л. 15 об.).

Выставка среднеазиатского отделения³ состояла из двух частей: «Кочевники Туркестана» и «Оседлое население Туркестана». Мир кочевой культуры раскрывался экспонированием предметов круга тюркоязычных народов: казахов, киргизов, туркмен, башкир и ногайцев. В другом зале были выставлены костюмные комплексы и предметы быта разных групп татар.

Структура выставки «Оседлое население Туркестана» освещена в «Кратком путеводителе», написанном автором концепции А. Н. Самойловичем (Самойлович 1926).

Туркестан рассматривался как огромная историко-культурная область, страна древней земледельческой и торгово-промышленной культуры, состоящая из западной (советской), восточной (китайской) и южной (афганской) частей. На выставке были представлены экспонаты, характеризующие культуру как тюркоязычного населения (оседлых и полуоседлых узбеков Западного Туркестана и тюркоязычных обитателей оазисов Восточного Туркестана — современных уйгуров), так и населения иранской группы народов — равнинных и горных таджиков, афганцев. Внутри экспозиции материал располагался не по народам, а тематически. Например, «основные занятия узбекского и таджикского крестьянства — земледелие и садоводство, представлено рядом предметов на щите 23» (Самойлович 1926). Далее, «щиты 17–19. На фоне образцов вышивок — образцы художественной керамики: тарелки бухарские, самаркандские, ферганские. Над щитом два блюда, а также гончарные изделия горных таджиков» (Самойлович 1926). Таким же образом

³ Заведующим отделением на протяжении второго десятилетия XX в. был А. А. Миллер. Сотрудниками среднеазиатской части в то время были А. Н. Самойлович (с декабря 1928 г. назначен заведующим ЭО), Ф. А. Фиельструп, Г. А. Пидотти, В. В. Екимова.

демонстрировалась одежда: «Шкаф 2. Манекены с мужской одеждой кашгарца, зажиточного самаркандца, горного таджика и вельможи-бухарца» (Самойлович 1926).

Хотелось бы обратить внимание на соблюдение принципа показа сравнительного материала, заявленного ранее в «Формуле программы ЭО», о которой говорилось выше. Так, в витрине, где демонстрировались два вида среднеазиатского кукольного театра — ручной *кол курчак* и шатровый *чадыри хаял*, были представлены фигуры китайского и турецкого теневого театров. В будущих экспозициях этот принцип не будет соблюдаться.

Иными словами, принцип показа материала на выставке «Туркестан» среднеазиатского отделения ЭО выражал идею представления региона в его единстве и многообразии. Почти через десять лет музей будет вынужден разорвать ткань культуры в связи с принятым решением о перестройке экспозиции в соответствии с делением региона на союзные республики. Государственная граница окончательно очертила круг народов, могущих быть представленными в обновленном этнографическом музее.

В процессе работы над восстановлением экспозиций выявились существенные лакуны в собрании отдела, которые необходимо было заполнить для более точного раскрытия ряда тем. Музей также пережил наводнение 1924 г., в результате которого многие экспонаты пострадали. В связи с этим особую важность приобретала экспедиционно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность сотрудников отдела. По среднеазиатскому отделению была запланирована командировка Ф. А. Фиельструпа в Казахстан.

В планах отдела на 1925 и 1926 г. была заявлена тема «отражения современного быта»: «Перед ЭО ГРМ стоят исключительные задачи. Этнографический музей должен не только представить быт народов в прошлом, в последовательной смене бытовых явлений и культурных взаимоотношений, но и, что особенно важно, отражать быт современный. Последнее возможно только при непосредственной связи научных работников Музея с жизнью, с теми племенами и народами, для изучения и выявления быта которых он предназначен. Для молодого музея, каким является ЭО, с значительными пробелами во многих областях, экспедиционно-исследовательская работа особенно необходима» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174А. Приложение I. Л. 20 об.).

Хотелось бы отметить упоминание «современного быта» в цитируемом тексте. Понимание русскими этнографами этого термина было отражено в «Программе для собирания этнографических предметов», составленной в начале XX в. такими видными учеными, как Д. А. Клеменц, Н. М. Могиланский, Е. А. Ляцкий, К. А. Иностранцев, стоявшими у истоков только что созданного этнографического музея (Программа для собирания этнографических предметов 1902). В ней предлагалось собирать для музея не только вещи старинные, выходящие из употребления, но и памятники современной традиционной культуры, старясь, по возможности, проследить развитие каждого типа вещей во времени. Например, если приобретались старинный и новый костюмы, этнограф должен был постараться найти и переходные от старого к новому формы. Н. М. Могиланский также указывал: «Лишь всестороннее освещение фактов исторической жизни, в связи с данными археологии, культурных влияний, изучение среды, явлений прогресса и медленного подчас отживания прошлого, может дать современнику ясное понятие о том, что такое представляет собою какая-либо из действующих на арене исторической жизни народностей» (Могиланский 1911: 496). Таким образом, новация воспринималась лишь в неразрывной связи с народной культурой, в какой-то мере сохраняя и развивая часть ее. Судя по всему, в середине 1920-х годов научное сообщество ЭО все еще находилось в этой парадигме. Совершенно очевидно, что власть (в широком смысле слова) в понятие «современный быт» вкладывала другое содержание. И это

противоречие со временем только углублялось. ЭО Русского музея как институция оказался в очень уязвимом положении.

В середине 1920-х годов в СССР вырабатываются новые принципы национальной политики. Руководство ГРМ и ЭО хорошо понимало необходимость изменений в экспозиционной деятельности, насыщения ее новыми смыслами, но средства достижения этой цели еще были не очень ясны. Тем не менее была сделана попытка объяснить власти, что музей в целом находится на острие новой политики. Так, в «Отчете ГРМ за 1926 и 1927 гг.», подводящем итоги национально-государственного размежевания в СССР, говорилось: «Когда был выдвинут и проведен в жизнь принцип самоопределения народностей и деление по народностям и племенам было положено в основу государственного устройства, ЭО, как музей народностей и племен СССР, только выиграл в четкости своего построения и своих задач» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 200. Л. 1).

В 1927 г. в стране принимается первый пятилетний план развития народного хозяйства. Все государственные учреждения должны были перестраивать свои планы в соответствии с новыми нормативными актами. Так, в июле 1929 г. «Главнаука НКПроса обратилась с распоряжением ко всем научным и музейным учреждениям приступить немедленно к переработке своих 5-летних планов с целью их конкретизации и увязки деятельности... с выполнением 5-летнего плана народного хозяйства» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264. Л. 24). В Архиве РЭМ сохранился «Пятилетний план работ ЭО ГРМ», датированный 1928 г., в котором говорилось: «Основной работой пятилетия является полное переустройство постоянной выставки в соответствии с пятилетним планом хозяйственного и культурного строительства СССР, на основе марксизма, с учетом роста культурного уровня рабочего посетителя» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264. Л. 2). Однако в части, касавшейся новых экспозиций по Средней Азии, речь по-прежнему шла о региональном принципе показа: в 1931–1932 гг. предполагалось закончить «экспозицию кочевых турецких народов Средней Азии, а также народов оседлого Туркестана; экспозиции городского быта Средней Азии» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264. Л. 2).

В конце 1920-х годов возникла идея устройства временных выставок по среднеазиатской тематике как подготовительного этапа в работе над переустройством экспозиций. Это было бы интересно для посетителей музея и позволило сэкономить людские ресурсы. В частности, на 1929–1930 гг. планировалась выставка «Прикладное искусство Средней Азии». К сожалению, ввиду отсутствия финансирования этим планам не суждено было осуществиться.

Масштаб проблем идеологического порядка, с которыми столкнулись сотрудники ЭО, ярко демонстрирует небольшая цитата из «Отчета о работе ЭО ГРМ»: «Перед Этнографическим Отделом стояли задачи научного, в освещении марксизма, показа труда и быта народов СССР на стадии, предшествовавшей его коренной ломке, и изменений, которые произошли после Октябрьской революции при всемерном развитии политпросветработы. На основе этого показа и необходимых научных исследований с отчетливым выделением классового момента и формирующего значения классовой борьбы. Поэтому в центре внимания производственного плана стояло переустройство основной выставки как опора всей политпросвет работы в связи с задачами социалистического строительства. Все же остальные работы плана являлись подготовительными моментами для осуществления намеченной реэкспозиции на основе диалектического материализма» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 294. Л. 32).

В этих трудных условиях продолжалась экспедиционная работа среднеазиатского отделения в целях сбора недостающего материала, отражающего социальные трансформации, для новой экспозиции. В 1930 г. научный сотрудник В. В. Екимова и студент-практикант Федоров в Хорезмском округе Узбекской ССР собирали сведения по темам «Среднеазиатский город», «Культура города

и аулов и их взаимного влияния», «Современные изменения в быту народов Средней Азии» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 294. Л. 14). Также ими была собрана обширная вещевая коллекция по узбекам (РЭМ, колл. № 5216: 140 номеров, 222 предмета).

В связи с новыми идеологическими требованиями сотрудникам среднеазиатского отделения, как и сотрудникам других отделений, приходилось производить частичное переустройство некоторых залов постоянной экспозиции, дополняя их новым иллюстративным материалом и материалом по современному социалистическому строительству. Все это отвлекало и без того немногочисленный персонал ЭО от текущей плановой работы. Для того чтобы как-то упорядочить музейную работу, в «Пятилетнем плане работ ЭО ГРМ на 1928/29 — 1932/33 гг.» предлагалось, помимо планируемых выставок на актуальные темы, таких как «Выставка по пятилетнему плану хозяйственного строительства и культурного развития СССР», «Антирелигиозная выставка» и т.д., также «устройство небольших временных выставок, примерно по одной в год, на темы, выдвигаемые хозяйственным и культурным строительством и текущим политическим моментом. Темы этих выставок в настоящее время предусмотрены быть не могут» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 175. Л. 5). Таким образом музей пытался получить небольшую передышку для серьезного осмысления ситуации.

Это предложение не получило поддержки, объем работы продолжал нарастать. Так, в «Отчете за 1931 г.» Ф. А. Фиельструпа указано: «Поставлены новые щиты ко Дню печати по социалистическому строительству в Узбекистане, по социалистическому животноводству в Казахстане. Поставлены временные выставки по посевной и уборочной Узбекистана и Казахстана» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Л. 10).

Можно сказать, что этнографический музей столкнулся с задачей, которую трудно было решить привычным музейным языком. Представление об этнографической современности, предложенное русскими этнографами, вошло в противоречие с представлениями новой власти, которая управляла учреждениями культуры. Кроме того, по многим параметрам (социальным, образовательным) изменился посетитель музея, у которого также было свое видение современности и того, как ее должен показывать музей.

Полярные мнения содержатся в «Книге отзывов» 1930 г. Историко-бытового отдела Русского музея, располагавшегося в одном здании с ЭО.

Так, коллеги из других музеев, профессионально оценивая новые экспозиции с точки зрения подачи материала, отмечали: «Выставка “Быт рабочего” слабее, преобладание диаграммного материала утомляет посетителя и затрудняет несколько самый осмотр. И. И. Каган. Государственный исторический музей, г. Москва» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 344. Л. 7 об.). На этой же странице имеется ответ научного сотрудника музея: «Обилие плоскостного материала на рабочей выставке вызвано трудностью сбора вещевого материала по рабочему быту. Дело это совсем новое, вещи рабочего быта, как правило, не сохраняются. Исторические же темы требуют изложения их хотя бы диаграммами, фотографиями, т.к. обойти эти темы нельзя» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 344. Л. 8).

Мнение рядовых посетителей было иным:

— «Нужно больше расширить отдел “Рабочий быт”. Отметить воспитание смены. Показать “показательный уголок” пионерской базы, жизнь детей. Стандартизированную уборку квартиры. Новую мебель. Как в отношении быта лучше и быстрее отойти от мещанства. Никитин. Балтийский флот» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 344. Л. 9 об.).

— «Быт купечества изображен действительно хорошо, но быт рабочего недостаточно. Больше дать диаграмм, фотографий быта рабочих в социалистическом строительстве. Н. П. Степанов. Студент с/х техникума. Г. Псков» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 344. Л. 66 об.).

— «Нужно показать быт рабочих разных национальностей, разных территориальных районов. Грушкин. Литературный работник» (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 344. Л. 67–68).

Иными словами, посетители хотели, придя в музей, увидеть прекрасную картину новой светлой жизни, которую им обещали. Но музею нужно было время, чтобы перестроиться, найти новые средства выражения, новый язык, которым можно было разговаривать с посетителем. Новый этап музейного строительства начался в ЭО/ГМЭ в 1932–1935 гг. с появлением многофигурных «обстановочных сцен» с живописными задниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32А. Журнал заседаний Совета ЭО № 386-391.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174А. Журнал заседаний Совета ЭО № 448-471. Приложение I.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 175. Отчет Государственного Русского музея за 1925 г.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 200. Отчеты музея за 1926 и 1927 гг.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 264. Пятилетний план работ ЭО музея на 1928–1933 гг.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 294. Отчетные сведения о работе музея и ЭО с 1 октября 1928 по декабрь 1930 г.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 344. Книга отзывов посетителей об экспозициях музея.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Отчеты отделений ЭО музея за 1931 г.
Могилянский Н. М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина. 1916. Вып. I. С. 1–22.
Могилянский Н. М. Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Живая старина. 1912. Вып. II. С. 1–9. Отдельный оттиск.
Программа для собирания этнографических предметов. 1-е изд. Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. СПб., 1902.
Самойлович А. Н. Оседлое население Туркестана. Краткий путеводитель. Русский музей. Этнографический отдел. СПб., 1926.
Шангина И. И. Д. А. Клеменц и Этнографический отдел Русского музея императора Александра III // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998. С. 95–110.
Шангина И. И. 90 лет Российскому этнографическому музею в Санкт-Петербурге // ЭО. 1993. № 1. С. 80–85.

**DYNAMICS OF THE EXHIBITION ACTIVITIES
OF THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT OF THE STATE RUSSIAN MUSEUM
IN THE SECOND HALF OF THE 1920s
(THE CASE OF EXHIBITIONS OF THE CENTRAL ASIAN BRANCH)**

A B S T R A C T. The new opening of the Ethnographic Department of the Russian Museum took place in 1923. The first exposition of 1916 was restored in general terms. This exposition was built in accordance with the principles developed by prominent ethnographers of the time which were articulated in the Ethnographic Department Program of the Russian Museum, adopted during the foundation of the Department. In 1919, the Ethnographic Department Council approved the “Formula of the Ethnographic Department Program”, which basically reproduced the earlier “Program”. In the mid-1920s in the USSR the new principles of the national policy were being developed. The Ethnographic Department leadership well understood the need for changes in the expository activity and saturating it with new meanings, but the means of achieving this goal were not clear. Particularly difficult was the theme of the “reflection of modernity”, working on which the ethnographic museum faced a task that was difficult to fulfill with the usual museum language. The idea of ethnographic modernity, proposed by Russian ethnographers, came into conflict with the ideas of the new government, which governed cultural institutions. In addition, the visitor of the museum changed in many ways (social, educational) and had their own idea of the present and how the museum should display it. Visitors expected to see a beautiful picture of the new bright life that they were promised. The museum needed time to restructure, to find new means of expression and a new language that could be used to talk to a visitor. A new stage of museum construction began in the Ethnographic Department / State Museum of Ethnography in 1932–1935 with the advent of multi-figured “state-of-the-art scenes” with picturesque backdrops.

KEYWORDS: Ethnographic Department of the Russian Museum, Central Asian branch of the Ethnographic Department of the Russian Museum, exposition of Ethnographic Department in 1923, “Ethnographic Department Program Formula” of 1919, A. A. Miller, A. N. Samoylovich, history, exposition

ELENA L. KUBEL — Department of Ethnography of Central Asia and Kazakhstan, SRF
The Russian Museum of Ethnography (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: elenakubel@yandex.ru